

ИОЛАНТА ВЛАДИМИРОВНА СУХОЦКАЯ

магистрант Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
iolantius@gmail.com

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА ЛОЙТЕР

доктор филологических наук, профессор, независимый
исследователь
(Петрозаводск, Российская Федерация)
sofia5@sampo.ru

КАРЕЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА «ЦАРЬ ДАВИД»: К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ ТРАДИЦИОННОСТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Впервые анализируется карельская народная сказка «Царь Давид», записанная в 1939 году в Сегежском районе Карелии на карельском языке. Исследуется русский перевод сказки «Царь Давид»: структура, представляющая собой сложную контаминацию трех сюжетов (300А, 301А и 551), основные герои и их функции, традиционные формулы, троекратность действия, предметы, свойственные карельскому быту. Таким образом, изучен редкий для северной Карелии пример оригинальной сказки с переработанными и дополненными современными исполнителем реалиями. Сопоставления с русской сказкой позволяют определить этнические черты, взаимовлияния разных культур, что подтверждает миграцию мотивов, но в то же время удается подчеркнуть уникальность сказки «Царь Давид». Исследование базируется на документах Научного архива Карельского научного центра РАН. В работе использованы методы целостной интерпретации, структурного, компонентного и компаративного анализа, позволяющие сделать выводы о глубоком знакомстве рассказчицы с фольклорной традицией.

Ключевые слова: карельская народная сказка, сюжет, мотив, национальные особенности, волшебная сказка, контаминация, традиционные формулы, указатель сюжетов, Научный архив КарНЦ РАН, К. И. Ананина

Благодарности. Исследование проведено в рамках реализации Программы поддержки НИОКР студентов, аспирантов и лиц, имеющих ученую степень, финансируемой Правительством Республики Карелия.

Для цитирования: Сухоцкая И. В., Лойтер С. М. Карельская народная сказка «Царь Давид»: к вопросу о жанровой традиционности и идентичности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 3. С. 67–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1026

ВВЕДЕНИЕ

В науке укоренилось убеждение в том, что народное творчество, народная словесность Карелии – ее главное духовное и художественное наследие, а Карелия (бывшая Олонецкая губерния) – уникальный регион, народная культура которого отражает взаимодействие нескольких этнических языковых традиций. Действительно, трудно назвать другое место в России, где бы на небольшой территории в столь концентрированном виде существовало столько памятников народной культуры такого уровня и масштаба, как русская былина и руны, составившие «Калевалу», русские, карельские, вепские причитания и сказки [7: 660]. Богатство материала позволяет говорить о Карелии «не только как стране былин, но и стране сказок» (М. К. Азадовский) [1: 24]. Отметим, что карельская сказка в ее фундамен-

тальных изданиях была изучена раньше, уже в 60-е годы XX века. Так, в 1965 году была опубликована монография сказковеда, ставшего впоследствии известным ученым-фольклористом, Унелмы Семеновны Конкка (1921–2011) «Карельская сатирическая сказка», основой которой стала диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. В 1974 году было защищено кандидатское исследование Н. Ф. Онегиной «Русско-карельские фольклорные связи (Поэтика волшебной сказки)»¹.

Важным событием в истории изучения карельской сказки стал выход в 1963 году первого тома двухтомного академического издания «Карельские народные сказки», которое было подготовлено У. С. Конкка². Спустя четыре года в ленинградском отделении издательства «Наука» увидел свет второй том – «Карельские народ-

ные сказки: южная Карелия». Над изданием работали У. С. Конкка и А. С. Тупицына³. Материалом для двухтомника стали сказки, находящиеся в архиве Карельского филиала АН СССР (сейчас Карельский научный центр Российской академии наук)⁴. Каждый текст в обоих томах «Карельских народных сказок» представлен на карельском и русском языках и сопровождается краткими примечаниями, в которых приведены особенности сюжета и его обозначение в «Указателе сказочных сюжетов по системе Аарне» [2]. В первый том были отобраны 80 сказок, записанных в северной Карелии. Во второй том вошел 91 текст, зафиксированный на территории южной Карелии.

Во вступительной статье к первому тому «О собирании и некоторых особенностях карельских сказок» У. С. Конкка описала историю сказковедения в Карелии, охарактеризовала три вида карельских сказок: волшебные, сказки о животных и бытовые сказки. Подробнее она остановилась на волшебных сказках. Отдельно выделила ряд особенностей семиперсонажной схемы и акцентировала внимание на уникальных героях карельской волшебной сказки: Сюоятар, Тухкимус, лесная старуха, старая вдова. Так в сборнике соединился теоретический материал и тексты.

Несмотря на очевидное научное внимание к региональному фольклору, карельские сказки редко становятся объектом исследований в последнее время. Отдельным сказочным сюжетам посвящена статья Т. Ю. Хэмлет «Карельская народная сказка “Девять золотых сыновей”» [17]. В работах Е. В. Каракина и Т. В. Пашковой «Синантропные насекомые в карельской народной традиции» [6] и Л. И. Ивановой «Особенности фольклорной традиции карельского Сегозерья в XIX–XXI вв.» [5] сказочные сюжеты рассматриваются частично. Более подробно исследуются русские сказки Карелии (см., напр.: А. С. Лызлова «Художественное своеобразие сказок про Ерша, записанных в Карелии») [8].

Материалом для данной статьи стал текст, представленный в первом томе «Карельских народных сказок» под номером 39, – сказка «*Čar' Davida*» («Царь Давид»). Она привлекла наше внимание необычным названием и большим объемом. Сказка «Царь Давид» была записана в 1939 году от жительницы села Кимасозеро Тикшинского с/с Сегежского района К. И. Ананиной, которой на тот момент был 61 год⁵. Запись сказки принадлежит собирательнице П. Куйкка, которая записала от К. И. Ананиной три волшебные сказки. В «Сюжетно-географическом каталогизированном указателе карельских сказок архива КарНЦ РАН по Северной Карелии», опубликованном в послесловии к сборнику «Карельские народные сказки.

Репертуар Марии Ивановны Михеевой» (2010), отсутствует упоминание К. И. Ананиной, но встречается упоминание А. И. Ананиной из села Кимасозеро, которой в 1939 году был 61 год⁶. Архивные данные КарНЦ РАН позволяют сделать вывод о том, что, вероятно, в издании 2010 года была допущена опечатка. Из научного же архива КарНЦ мы получили о текстах сведения, которых нет в сборниках сказок. Варианты сказки «Царь Давид» были обнаружены в Кемском районе в 1939 году от рассказчицы Е. Т. Фадеевой, 50 лет (малограмотная, знает 10–15 сказок, название «*Tuhkimus*» (Тухкимус), записал А. Г. Данилов)⁷, Калевальском (название «Царь и три сына», записана от известной сказительницы и рунопевца М. А. Ремшу)⁸ районе, находящихся недалеко от места записи, и, кроме того, в Пряжинском (название «*Ванху сцари да колме пойсуа*», записана от С. И. Иванова, 79 лет, записала Белова)⁹ и Олонецком («*Taatto da kolme vellesty*», записана в 1936 году от П. С. Галактионова, 9 лет, сказку услышал от сестры, которая знала ее от стариков, записала Галактионова)¹⁰ районах, относящихся к югу республики. Иными словами, в сборнике зафиксировано существование пяти вариантов текста, распространенных в разных частях Карелии (512), но ни в одном из них не встречается имя Давид, не во всех текстах представлена сложная контаминация, часть вариантов отличается небольшим объемом.

Сказка «Царь Давид» получила следующий комментарий У. С. Конкка:

«Публикуемый вариант представляет довольно редкий в северной Карелии случай развернутого повествования с контаминацией нескольких сюжетов. В сказке строго выдержана троекратность действия, хорошо сохранился диалог героя с лесной старухой-дарительницей и змеем. Формулы-обращения в таком оформлении характерны для северокарельских сказок на соответствующие сюжеты» (512).

Исследователь выделяет такую особенность: развернутое повествование и контаминацию трех сюжетов. Кроме того, У. С. Конкка обращает внимание на строгую троекратность действия и диалоги с дарителем и вредителем. Реплики героев при этом представляют собой традиционные карельские варианты.

В зачине рассказывается история царя Давида, долголетие которого обеспечивает живая вода:

«*Oli ennen čar' Davida. Niän kävi saharnoissa muašša nuoristumah, šieilä elävyä vettä juomah*» (Был раньше царь Давид. Он ходил в сахарную землю омолаживаться, туда живую воду пить¹¹) (245 (256)).

Однако царь перестал уезжать из дома в связи с рождением детей. Два старших царевича, увидев, что отец состарился, один за другим

отправляются в путь. Спустя некоторое время Николай-царевич, младший из трех сыновей Давида, едет искать своих братьев и живую воду для отца. Получая воду, он бесчестит цареву дочь. После этого борется со змеем и его женой, освобождая трех девушек – дочерей змея. Затем спасает братьев из плена девушки, заманивавшей путников к себе. Когда Николай-царевич засыпает, братья сбрасывают его в море. Главного героя спасает царева дочь, которую он, в свою очередь, освобождает от трехголового, шестиголового и девятиголового змеев. Незнанный Николай-царевич возвращается домой. За ним приплывает царева дочь с двумя сыновьями, он уплывает.

КОНТАМИНАЦИЯ СЮЖЕТОВ

Еще У. С. Конкка в своей статье назвала сюжеты, обозначенные в указателе сказочных сюжетов Аарне – Андреева 1929 года и образующие сказку «Давид»: 300А, 301А и 551 [2]. Обращение к подобному изданию – свидетельство того, что карельская сказка сравнивается с русской. Одним из преобладающих сюжетов сказки «Царь Давид» оказывается «551 – Молодильные яблоки». Сюжет «Молодильные яблоки» широко распространен в русской и мировой традиции, встречается в том числе и международном указателе сюжетов Аарне – Томпсона – Утера (ATU) под следующим заглавием: «551 Water of Life (previously The Sons on a Quest for a Wonderful Remedy for their Father)» (Живая вода, ранее – сыновья в поисках чудесного средства для своего отца¹²) [18: 320]. Именно он служит основой сказки. Однако в «Царе Давиде» отсутствует странник, роль дарителя играют старухи – родственницы отца Николая-царевича. Братья сбрасывают младшего в море, но не забирают живую воду, оставляя ее герою. Кроме того, в карельской сказке присутствует мотив мести приплывшей царевны и детей Николая-царевича братьям, совершившим предательство. Два сына главного героя отрубают пальцы дядям, подобная жестокость могла отражать время, когда была записана сказка, – 1939 год.

Интересно замечание Е. М. Мелетинского:

«В русских вариантах сюжета о живой воде встречается интересный вставной эпизод о том, как старшие братья попадают к “демонической” девице Дуне или “Ирине-мягкой перине”, которая сбрасывает их в погреб, а младший брат освобождает старших. Этот эпизод подчеркивает благородство младшего, его заботу о семейных интересах, контрастирующие с эгоизмом и предательством старших братьев» [9: 122].

В сказке «Царь Давид» подобный вставной эпизод тоже имеет свое место и реализуется так: старшие братья попадают в плен к безымянной девушке, называющей себя дочерью царя, из подвала которой их спасает Николай-царевич. В тек-

сте уточнено количество путников, пострадавших от обмана: «niitä on jo šata kolmekymmentä mieštä» (их там уже сто тридцать человек) (251 (262)). Главный герой получает от девушки подписку с обещанием больше так не поступать. Это вкрапление появилось в фольклорном тексте как реакция на изменившуюся реальность и стало «не только проявлением индивидуальных склонностей отдельных сказочников, но и характерной чертой современной волшебной сказки как таковой» [11: 22]. Изменение течения жизни не могло не повлиять на сказку. С другой стороны, как отмечает Э. В. Померанцева, рассматривая русскую сказку: «новая действительность <...> не создает новых фольклорных сюжетов и образов» [12: 203]. Действительно, получение Николаем-царевичем подписки от девушки никак не влияет ни на ход событий, ни на героев. Этот элемент может быть связан с распространением деловой речи, изначально несвойственной сказке.

Еще одним современным вкраплением стало упоминание девятого этажа. Чтобы добыть живую воду, Николай-царевич проникает в царский терем, куда попадает с помощью волшебного помощника. Горница царевой дочери и бутылки с живой и мертвой водой находятся на девятом этаже. Подобное упоминание многоэтажного здания в тексте сказки также не влияет на сюжет и может быть заменено на другое число. Тем не менее выбор цифры девять не случаен: она представляет собой утроение числа три – важнейшего сказочного атрибута.

Другой сюжет, встречающийся в «Царе Давиде», обозначен как «301А, В – Три царства: золотое, серебряное и медное». Он является распространенным у многих народов и находит свое отражение в международном указателе Аарне – Томпсона – Утера под номером 301 «The Three Stolen Princesses» (Три похищенные принцессы) [18: 176]. Однако реализация этого сюжета отличается от указанного в СУС. Николай-царевич видит распутье:

«yhteh stolppah on kirjutettu, jotta elävyä vettä, toiseh, jotta zmejan kera pellošša toruamah, a kolmanteh, jotta neičyön kera muate» (на одном столбе написано, что за живой водой ехать, на другом, что со змеем в поле биться, а на третьем, что с девушкой спать) (245 (256)).

В сказке «Царь Давид» отсутствует исчезновение царевны. Победив змея, герой попадает под землю в медный, серебряный и золотой дворцы. В этих дворцах его начинают называть Микола-царевич или просто Микола (вариант имени Николай). После этого происходит сражение с женой змея и победа с помощью советов дочери старухи. С третьей царевной, живущей

в золотом дворце, главный герой обменивается кольцами. Николай-царевич спасает трех царевен в трех дворцах и сам поднимается наверх. В тексте строго соблюдается принцип троекратности. Предательства братьев, описанного в СУС, не происходит, потому что они еще не спасены.

В сказке «Царь Давид», таким образом, нашли отражение три царства, борьба с женой змея и освобождение царевны. Е. М. Мелетинский прокомментировал так присутствие этих мотивов:

«В русской сказке о трех царствах герой может быть чудесного происхождения, но чаще это младший сын Иван-царевич. Если сказка включает мотив братьев, она по композиции уподобляется сказке о поисках живой воды для больного отца» [9: 122–123].

В анализируемом тексте происходит контаминация этих сюжетов в один, в котором в качестве зачина оказывается нехватка живой воды для старого отца, а посещение трех царств является частью победы над змеем, следованием Николаем-царевичем пути, который он выбрал на распутье.

Мотив предательства братьев, как мы уже писали, находит свое место в «Царе Давиде». Э. В. Померанцева, характеризуя этот мотив в русской сказочной традиции, отмечает: «...самый напряженный момент в сказках о трех царствах – измена братьев или спутников героя, обрекающая его на гибель» [12: 62]. В сказке «Царь Давид» братья сами не убивают Николая-царевича, но сбрасывают его в море:

«A emmä tapa, – šanou toini velli, – šitokka kiät puuhu kiini ta lykäkää mereh. Šinne hiän iče kuolou» (Не будем убивать, – говорит другой брат, – а привяжем его к бревну и бросим в море. Там он сам умрет) (252 (263)).

Соответственно, этот мотив полностью реализован в карельской сказке.

Третий сюжет сказки определен У. С. Конкка как «300А – Победитель змея (освобождение царевны)». В «Царе Давиде» он воплощен следующим образом. Братья, освобожденные из плена Николаем-царевичем, выбрасывают героя в море. Приплыв на берег, он узнает, что цареву дочь хотят отдать на съедение трехголовому змею. Старая вдова помогает Николаю-царевичу, и он побеждает трехголового, шестиголового и девятиголового змеев. Данный сюжет находит соответствие в международном указателе сюжетов Аарне – Томпсона – Утера и представлен под заглавием «300 The Dragon-Slayer» (Дракоборец) [18: 174].

Интересна природа змеев в сказке. Они выходят из моря и являются *вредителями*. Перед выходом змеев море «Alkau meri lainehtie. Kerran tuli vetenä, toizen lumena, kolmannen tulena» (Первый раз всколыхнулось водой, второй раз снегом, в третий раз огнем) (252 (264)). По мне-

нию В. Я. Проппа, «водная природа змея исконно присуща ему» [14: 258]. Появление змеев из моря логично их природе, связанной с этой стихией. Такая связь с водой находит отражение в античной Греции, в частности, в образе Гидры (Лернейского змея). В сказке встречается упоминание огня, объясненное В. Я. Проппом так: во многих культурах происходит перенос змея из воды на небо, где он получает связь с миром мертвых. В тот момент «огненным становится и озеро, огненным становится и сам змей» [14: 267]. Однако упоминание снега в связи со змеем не является частотным. Подобная деталь может быть объяснена географическим положением Карелии, где зима начинается в октябре – ноябре и заканчивается в апреле. Упоминание моря характерно для сказочной традиции в целом, поскольку «водоем является областью потусторонней и хтонической» [10: 21], это враждебный главному герою мир.

Волнение моря характерно для появления антагониста. В. Е. Добровольская, описывая предметные реалии русской волшебной сказки, уточняет:

«С изменением погоды связано прежде всего появление змея (СУС-300А и СУС-301), приближение которого сопровождается волной, ветром (вариант: ураганом)...» [4: 87].

Образ змея в карельской сказке традиционен и схож с русским вариантом.

Таким образом, карельская сказка «Царь Давид» объединяет в себе три сюжета, создающих непростое переплетение, для которого характерно присутствие нескольких персонажей, являющихся царевыми дочерьми. Более того, контаминация сюжетов, скорее всего, повлияла и на то, что в сказке не упоминается передача живой воды от Николая-царевича отцу. Изначальное задание, нехватка, не восполняется героем. Н. М. Ведерникова, характеризуя объединение сюжетов в русской сказке, подводит итог: «Контаминация – сложный художественный прием, владеть которым могут лишь сказочники-мастера с большим репертуаром» [3: 27]. Значит, можно сделать вывод, что К. И. Ананина – опытная рассказчица, знающая фольклорную традицию.

Объемная сказка «Царь Давид» состоит не только из традиционных сюжетов, К. И. Ананина добавляет в текст необычные мотивы, органично переплетая их. Так, появление героя на острове обычно не присутствует ни в одном из трех приведенных сюжетов, однако сложная структура сказки позволяет включить это путешествие в текст. Остров традиционно ассоциируется с чем-то желанным, связан с недостачей. В сказке «Царь Давид» Николай-царевич,

перепрыгнув через море с помощью волшебного помощника – лошади, попадает на остров, где «heinä kultani kašvau, okšat puissa kultaset» (золотая трава растет, ветки на деревьях золотые) (248 (259)). Упоминание золота в связи с тридцатым государством в русской сказке (в карельском тексте оно не называется) определено В. Я. Проппом как типичное представление иного царства [14: 285]. Но этот остров не становится целью пути главного героя. Переночевав, Николай-царевич с лошадей снова перепрыгивают через море и достигают своей цели – попадают на остров, где хранится живая вода. Царство, в котором оказывается герой, обнесено стеклянной стеной, внутри ее расположен царский дворец с колодезем. В тексте сказки нет указания на его островной характер, но оно точно не находится ни под водой, ни под землей. В этом царстве не упоминается золото, лишь отмечено обилие царского стола, что в реалиях времени, когда сказка была записана, оказывается более ценным. Иными словами, в «Царе Давиде» островной характер заповедного носит место, не играющее такую важную роль в развитии сюжета, а царство с живой водой изображено менее традиционно.

Кроме того, в тексте сказки встречается мотив прощания с луной и солнцем. После победы над змеем и перед сражением с женой змея Николай-царевич обменивается кольцами и получает совет от царевны, живущей в золотом дворце. Она подсказывает герою, что победить старуху можно, попросив попрощаться с луной и солнцем. Этот мотив глубоко мифологичен. Одним из самых эмоциональных эпизодов «Слова о полку Игореве», известного памятника древнерусской литературы, является плач Ярославны, в котором героиня обращается к ветру – «О вѣтре вѣтрило!», Днепру – «О Днепре Словытицю!» и солнцу – «Свѣтлое и тресвѣтлое слынце!»¹³. Подобная просьба не свойственна фольклорной сказке и скорее связана с традицией песенной. В отличие от сказки литературной, например, в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина королевич Елисей обращается с просьбой к солнцу, месяцу, ветру:

«Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе»¹⁴.

Вероятно, сказительнице была знакома пушкинская сказка.

В «Царе Давиде» присутствует мотив искания в голове, который встречается во многих карельских и русских сказках¹⁵. Ищет в голове Николая-царевича его невеста, после чего герой засыпает, а братья решают бросить его в море: «Käšköy

Mikola piätä eččie moržiemellah, šiihi ni uinuou bohaterskoih uneh» (Микола велит невесте поискать в голове, тут и засыпает богатырским сном) (251 (263)). Следующее появление мотива в тексте предшествует борьбе со змеем, выходящим из моря, чтобы забрать царевну. Трижды герой просит царскую дочь поискать у него в голове, после чего побеждает трехголового, шестиголового и девятиголового змея. Эта просьба может быть связана с проблемой педикулеза, распространенного тогда в северных регионах.

В 1967 году румынский ученый Н. Рошияну проанализировал материал сказок разных народов и пришел к выводу о том, что в сказочных текстах «особое место занимают общие места в высочайшей степени стереотипные, которые часто приобретают характер стабильных словесных формул» [16: 9]. Ученый выделил инициальные, медиальные и финальные формулы. Фольклорист И. А. Разумова продолжила разработку темы и определила три важнейших признака loci communes: стабильность, устойчивость и единство заключенного смысла [15: 17].

Карельская сказка «Царь Давид» избобилует формулами. Так, текст начинается простой инициальной формулой «был раньше» – одной из самых распространенных в фольклоре. В русской сказке наиболее частотным вариантом являются «живало-бывало», «жил-был», «жили-были» [16: 33]. К медиальным в сказке «Царь Давид» относится распространенная в русских волшебных сказках формула «долго ли, коротко ли», характеризующая путь, в нашем случае – путь старшего брата. К формулам, встречающимся в тексте сказки неоднократно, относится несовершенная и совершенная формы одних глаголов: девушка, желая заманить старших братьев в подвал, «кормит-поит» героев, а «накормила-напоила» Николая-царевича тетка-дарительница. Герой три раза посещает дарительниц, три раза обращается к избушке: «Избушка-избушка, повернись-остановись, путнику заночевать, озябшему обогреться, уставшему отдохнуть». В русской сказке распространен вариант «Избушка-избушка, повернись к нам передом, к лесу задом; нам в тебя лезти, хлеба-соли ести» [16: 121]. В избе трижды тетки говорят герою: «Хух-хух, пришла-таки русская кровь, чтобы мне поесть-попить». На острове лошадь ест «золотую траву, серебряную мураву». Перед сражением со змеем Николай-царевич видит поле, на котором «черным-черно народу полегло». После победы над змеем царь устраивает «пиры-балы». Финальная формула сказки – «да и сказка кончилась». В ней не раскрывается присутствие рассказчика, но и «Царь Давид», в свою очередь, заканчивается не царским пиром, а отъездом главного героя.

Многочисленные инициальные, медиальные и финальные формулы в сказке «Царь Давид», являющиеся вариантами традиционных формул волшебных сказок, подтверждают то, что сказчица владела сказочным языком.

ПРЕДМЕТЫ

В тексте сказки «Царь Давид» встречаются предметы, соответствующие реалиям местного быта и представляющие собой карельские варианты русских вещей. Так, старшие братья Николая-царевича по очереди попадают в погреб к девушке, в котором уже находятся другие путники. Они говорят Ивану-царевичу: «Ohoh, ruutuit ni šie tänne, tiälä šuat kyllähti märkyä kagrua šuvvä» (Ох-ох, попался и ты, вдоволь сырого овса наешься) (246 (256)). Овес относится к традиционным злакам, выращиваемым в Карелии, поэтому его упоминание можно отнести к культурным вкраплениям в сказку.

К предметным реалиям относятся три, шесть и девять куделей (волокно для прядения) шерсти, которые Николай-царевич получает от вдовы: «Niän ottau hivou miekkah, luöy ne kaikki kuožalit roikki...» (Он наточил своей меч, одним ударом рассек все те кудели...) (252 (263)). Число куделей соответствует количеству голов змея, с которым герою предстоит сразиться. Перед боем Николай-царевич мечом рассекает шерсть, причем ход подготовки к бою служит предсказанием будущего сражения: в третий раз герой не смог рассечь все девять куделей одним ударом. Подобное произошло и при битве со змеем. Упоминание куделей встречается и в другом тексте сборника «Карельские народные сказки» – «Rosvo-kliimon starina» (Сказке о воре Клиймо) (404).

Превращение покоев в золотое яичко с помощью шелкового платка несвойственно русской сказке, это особенность карельского текста. Подобная трансформация встречается в сказке трижды и связана с подземным миром и его царевнами. При этом в русских сказках сюжета 301 встречается упоминание яйца как содержащего внутри дворец или царство, однако превращение дворца в яйцо с помощью дополнительно предмета не происходит.

В конце сказки Николай-царевич, вернувшись домой, просит солдат купить «gokosinua kolme värččie, kolme šieklua ta kolmet luarottimet» (три рогожих куля, три решета и три пары лаптей) (255 (266)). Эти предметы помогают герою прийти во дворец незнанным и увидеть отца с матерью, поскольку он одет в рогожу, на голове у него находится решето, а на ногах – лапти. Такой выбор предметов должен помочь главному герою, с одной стороны, тайно проникнуть домой и, с другой стороны, вы-

полнить функцию скомороха: «...lähettih čuarih päyttelöroäh» (...идут к царю представлять [скоморошить]) (255 (266)).

Таким образом, целый ряд предметных реалий карельской сказки отличается от русских, но выполняет те же функции. Однако в тексте присутствуют и уникальные предметы – превращенные в золотое яйцо покои.

ОБРАЗЫ ЦАРЯ ДАВИДА И ТУХКИМУСА

Необычно уже само название сказки «Царь Давид». Имя Давид не является исконно карельским. Оно библейского, древнееврейского происхождения, означает «любимый», «любимец». Царь Давид является известным библейским правителем. Библейская энциклопедия описывает его так:

«Всегда преданный Богу и покровительствуемый Богом, Давид привел вверенное ему царство в самое цветущее состояние, утвердил его единство, расширил его пределы, от Египта до Ливана, и от Евфрата до Средиземного моря, оградил его безопасность от внешних врагов, возвысил внутреннее его благоустройство и пр.»¹⁶.

По мнению Э. В. Померанцевой, как правило, «образ царя в сказке не несет в себе исторических черт, не выражает истинного отношения народа к царю и царской власти» [12: 60]. И в данном случае упоминание Давида как исторической персоны, послужившей названием сказки, не связано с ситуацией в государстве. В тексте сказки царь Давид едет в сахарную землю, а сахарная земля в сознании народа и конкретной рассказчицы олицетворяет дальнюю сторону, обетованную землю. Использование данного имени говорит о знании рассказчицей христианской традиции, знакомстве с Библией. Кстати, имя Давида упоминается в сказке всего трижды – в зачине, установлении родства с дарительницами и концовке¹⁷.

Главным героем сказки выступает Николай-царевич. После победы над змеем, когда он попадает в подземный мир, в тексте начинает преобладать имя Микола-царевич или Микола. Он Тухкимус, младший брат:

«Nikolai-čarejevič še oli pahin poika tuatolla ta muamolla. Häntä ei šuvaittu koissa, Tuhkimus-Tähkimyš oli, kiukuanperissä tuhkien kera» (Николай-царевич, тот самый плохой сын у отца и матери. Его дома не любили, потому что был Тухкимус-Тяхкимус, на печи в золе сидел) (246 (257)).

Этимология имени связана с карельским словом tukha – зола. Как правило, герой изображается лежащим на печи. Этимологически образ близок русскому Ивану Запечнику, относящемуся к типу «иронического удачника», описанному Е. М. Мелетинским [9: 194]. Однако функции запечника и дурачка не соответствуют функциям главного героя сказки «Царь Давид». Согласно общей классификации В. Я. Проппа,

Николай-царевич в этой сказке представляет собой тип героя-искателя, потому что он отправляется «избыть чужую беду» [13: 204]. Примечательно, что старшего брата зовут Иван-царевич, но главным героем является не он. Упоминание имени Ивана встречается в начале сказки, именно он первым едет на поиски живой воды и попадает в плен. После этого Иван упоминается просто как брат, по своей функции.

Препятствия, мешающие восполнению недостачи, главный герой способен преодолеть лишь при помощи других персонажей. Рассмотрим сказку «Царь Давид» в рамках семиперсонажной схемы В. Я. Проппа. Так, *дарителями* служат три старухи-родственницы Николая-царевича и старая вдова, которая «играет ту же роль, что и бабушка-задворенка в русских сказках, но в сюжетах о невинно гонимых ей принадлежит особое место <...> эти два образа в карельских сказках разграничены» (27). Несмотря на общую функцию данных образов, обращение героя к дарителям кардинально отличается.

Встреча главного героя со старухами-дарителями начинается ругательной фразой:

«Oho šie, huora-kurva, – šanou Nikolai-čarejevič, – šöisit matkamiehen šittöneh-kusineh, hikineh, väkineh» (Ох ты, б..., курва; – говорит Николай-царевич, – готова съесть путника с г.... с потом и силой; лучше бы накормила-напоила путника, попарила бы в бане, так самой было бы лучше мягкое есть) (247 (258)).

Дарители отличаются и тем, что старухи-родственницы с большим носом отмечают запах Николая-царевича традиционной репликой о русском духе. Живут родственницы в домах, которые на петушиной пятке вертятся, описание этих изб – карельский вариант мотива избушки на курьих ножках. Эти героини связаны с Бабой-ягой, однако важной особенностью служит наличие у дарительниц мужей и брата: «Итак, яга снабжена всеми признаками материнства. Но вместе с тем она не знает брачной жизни. Она всегда старуха, причём старуха безмужняя...» [14: 200].

Встреча главного героя со старой вдовой начинается просьбой: «Anna, akkazen, šuvvâ ta ota elämäh» (Накорми меня, бабушка, и возьми к себе жить) (251 (263)). Знакомство персонажей не сопровождается указанием

на чуждость главного героя. Более того, царь приглашает дарительницу на пир и с ее помощью узнает о Николае-царевиче. У. С. Конкка отмечает, что в обращении к родственницам герой обычно использует сниженную лексику и ругательства. В приведенном тексте к старой вдове герой обращается, используя слово «бабушка», несмотря на отсутствие прямых родственных связей, в отличие от сестер своего отца Давида (263). Таким образом, в данном тексте старая вдова не связана с миром мертвых, а старухи-родственницы представляют собой традиционный образ Яги, воплощенный в трех личностях.

В качестве *волшебного помощника* в сказке выступает говорящая лошадь, которую главному герою дает третья старуха-родственница. Особенностью этого персонажа служит описание ее шерстинок: золотой, серебряной и третьей, цвета которой «kolmannel ei ni sviettu» (и назвать нельзя) (246 (257)). Это вкрапление выражает необычный характер помощника: золото и серебро – редкие металлы, но еще более редкое то, что невозможно определить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Царь Давид» представляет собой редкий для северной Карелии пример сказки сложной структуры и большого объема. По целому ряду признаков она нехарактерна для карельской сказочной традиции, так как «наиболее распространены и самобытны у карел такие сюжеты, в центре которых стоит не мужчина-герой (как, например, в русских сказках), а женщина-героиня» (19). В анализируемом тексте контаминируются три традиционных сюжета русской волшебной сказки, обилие утроений, ряд дополнительных мотивов и вставных эпизодов, которые в фольклоре, по мнению В. Я. Проппа, являются «признаком большой древности» [13: 226]. Несомненно, что сложные контаминации возникли в карельской традиции под влиянием соседствующей русской традиции. Тем не менее сказка «Царь Давид» – оригинальная карельская сказка с целым рядом мотивов, трансформированных, переработанных и дополненных современными сказочными реалиями, что позволяет говорить о миграции мировых мотивов и взаимовлиянии разных этнических культур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этапы истории изучения сказок в Карелии освещены, например, в статьях А. С. Лызловой «Об истории сказковедения в Карелии: деятельность Н. Ф. Онегиной» и Э. А. Степановой «Александра Степановна Степанова (к 80-летию со дня рождения)».

² Карельские народные сказки / Сост. У. С. Конкка; Общ. ред. В. Я. Евсеева; Ред. А. А. Беляков и Г. Н. Макаров. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 530 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках страницы.

³ Карельские народные сказки: Южная Карелия / Изд. подгот. У. С. Конкка, А. С. Тупицына; Общ. ред. В. Я. Евсеева; Ред. А. А. Беляков и Г. Н. Макаров. Л.: Наука, 1967. 522 с.

- ⁴ Научный архив Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ РАН): фольклорный фонд / Ф. № 1, оп. 2.
- ⁵ НА КарНЦ РАН. Ф. № 1, оп. 2, колл. 50, ед. хр. 1.
- ⁶ Карельские народные сказки. Репертуар Марии Ивановны Михеевой / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 627.
- ⁷ НА КарНЦ РАН. Ф. № 1, оп. 2, колл. 9, ед. хр. 37 (13).
- ⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. № 1, оп. 2, колл. 19, ед. хр. 86.
- ⁹ НА КарНЦ РАН. Ф. № 1, оп. 2, колл. 134, ед. хр. 20.
- ¹⁰ НА КарНЦ РАН. Ф. № 1, оп. 2, колл. 114, ед. хр. 5.
- ¹¹ Перевод с карельского языка выполнила У. С. Конкка.
- ¹² Перевод с английского авторов статьи, если не указано иное.
- ¹³ Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII в. СПб.: Наука, 1997. С. 264.
- ¹⁴ Пушкин А. С. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях // Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 3, кн. 1. М.: Воскресенье, 1995. С. 554.
- ¹⁵ Оборот «riäššä eššie» используется как синоним выражения «riätä eššie» (букв. ‘голову искать’), что, согласно шеститомному словарю карельского языка «Karjalan kielen sanakirja», означает ‘искать и убивать вшей’. Со временем значение фраземы развилось и стало означать также поглаживание и перебирание волос вообще (в целях релаксации). За комментарий благодарим Н. А. Пеллинен, к. филол. наук, младшего научного сотрудника Сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН.
- ¹⁶ Библейская энциклопедия / Никифор (Бажанов). М.: Локид-Пресс: РИПОЛ классик, 2005. С. 138.
- ¹⁷ В рамках данного исследования не было получено окончательного ответа на вопрос о том, почему в сказке присутствует образ Давида. Эта тема требует дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азадовский М. К. Русские сказки в Карелии: старые записи. Петрозаводск: Государственное изд-во Карело-Финской ССР, 1947. 246 с.
2. Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л.: Издание Гос. рус. геогр. о-ва, 1929. 118 с.
3. Ведерникова Н. М. Русская народная сказка. М.: Наука, 1975. 133 с.
4. Добровольская В. Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 2009. 224 с.
5. Иванова Л. И. Особенности фольклорной традиции карельского Сегозерья в XIX–XXI вв. // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. 2018. № 2 (10). DOI: 10.25587/SVFU.2018.10.14553 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-folklornoy-traditsii-karelskogo-segozerya-v-xix-xxi-vv> (дата обращения 01.12.2023).
6. Каракин Е. В., Пашкова Т. В. Синантропные насекомые в карельской народной традиции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 64–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.694
7. Лойтер С. М. Русский фольклор Карелии // Народы Карелии: историко-этнографические очерки / Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории; Отв. ред. И. Ю. Винокурова [и др.]. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 660–669.
8. Лызлова А. С. Художественное своеобразие сказок про Ерша, записанных в Карелии // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20, № 2. С. 67–88. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10982 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennoe-svoeobrazie-skazok-pro-ersha-zapisannyh-v-karelii> (дата обращения 18.10.2023).
9. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки: происхождение образа. М.; СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиция, 2005. 240 с.
10. Неклюдов С. Ю. Тезисы о сказке // Новый филологический вестник. 2020. № 3 (54). DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00063 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tezisy-o-skazke> (дата обращения 10.10.2023).
11. Померанцева Э. В. Русская народная сказка. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 132 с.
12. Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М.: Наука, 1965. 220 с.
13. Пропп В. Я. Русская сказка: Собрание трудов. М.: Лабиринт, 2000. 415 с.
14. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / [Вступ. ст. В. И. Ереминой]. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. 370 с.
15. Разумова И. А. Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. Петрозаводск: Карелия, 1991. 153 с.
16. Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. 218 с.
17. Хэмлет Т. Ю. Карельская народная сказка «Девять золотых сыновей» // Финно-угорский мир. 2015. № 2 (23) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/karelskaya-narodnaya-skazka-devyat-zolotykh-synovey> (дата обращения 11.10.2023).
18. Uther H. - J. The types of international folktales: A classification and bibliography: Based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson. Animal tales, tales of magic, religious tales, and realistic tales, with an introduction. Part I. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia, academia scientiarum fennica, 2004. 661 p.

Original article

Iolanta V. Sukhotskaya, Master Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
iolantius@gmail.com
Sofia M. Loiter, Dr. Sc. (Philology), Professor, Independent Researcher (Petrozavodsk, Russian Federation)
sofia5@sampo.ru

KARELIAN FOLK FAIRY TALE “KING DAVID”: EXPLORING CONVENTIONALITY AND IDENTITY OF THE GENRE

Abstract. This paper presents the first-of-its-kind analysis of the Karelian folk fairy tale “King David”, which was first recorded in 1939 in the Segezha district of the Republic of Karelia in the Karelian language. The study explores the Russian version of the tale, focusing on its structure, which is a complex blending of three different plots (300A, 301A, and 551), the roles and functions of the main characters, traditional storytelling formulas, the triplet structure of the narrative, and objects specific to Karelian everyday culture. This research sheds light on a unique fairy tale from northern Karelia that blends traditional elements with contemporary realities processed and added by the narrator. By comparing the tale with Russian fairy tales, the study identifies ethnic characteristics and cultural influences, highlighting both the migration of motifs and the distinctiveness of the folk tale “King David”. The analysis draws on archival materials from the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Employing such methods as holistic interpretation, structural analysis, component analysis, and comparative analysis, the study concludes that the narrator exhibits a profound understanding of folklore traditions.

Keywords: Karelian folk fairy tale, plot, motif, national peculiarities, magic fairy tale, contaminations, traditional formulas, folk tale index, KarRC RAS Scientific Archives, K. I. Ananina

Acknowledgements. The presented research was conducted as part of the R&D Support Program for Undergraduate Students, Postgraduate Students, and Academic Degree Holders, funded by the Government of the Republic of Karelia.

For citation: Sukhotskaia, I. V., Loiter, S. M. Karelian folk fairy tale “King David”: exploring conventionality and identity of the genre. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(3):67–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1026

REFERENCES

- Azadovsky, M. K. Russian fairy tales in Karelia: old records. Petrozavodsk, 1947. 246 p. (In Russ.)
- Andreev, N. P. Fairy tales index based on Antti Aarne’s classification system. Leningrad, 1929. 118 p. (In Russ.)
- Vedernikova, N. M. Russian folk tales. Moscow, 1975. 133 p. (In Russ.)
- Dobrovolskaya, V. E. Object realities of the Russian magic fairy tale. Moscow, 2009. 224 p. (In Russ.)
- Ivanova, L. I. Features of the folklore tradition of Karelian Segozero in the 19th–21st centuries. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series: Epic Studies*. 2018;2(10). DOI: 10.25587/SVFU.2018.10.14553. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-folklornoy-traditsii-karelskogo-segozerya-v-xix-xxi-vv> (accessed 01.12.2023). (In Russ.)
- Karakin, E. V., Pashkova, T. V. Synanthropic insects in Karelian folk tradition. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8):64–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.694 (In Russ.)
- Loiter, S. M. Russian folklore of Karelia. *The peoples of Karelia: historical and ethnographic essays*. Petrozavodsk, 2019. P. 660–669. (In Russ.)
- Lyzlova, A. S. Artistic originality of tales about Yersh (Ruff) recorded in Karelia. *The Problems of Historical Poetics*. 2022;20(2):67–88. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10982. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennoe-svoeobrazie-skazok-pro-ersha-zapisannyh-v-karelii> (accessed 18.10.2023). (In Russ.)
- Meletinsky, E. M. The hero of a magic fairy tale: the origin of the image. Moscow; St. Petersburg, 2005. 240 p. (In Russ.)
- Neklyudov, S. Yu. Folktales: some theses. *New Philological Bulletin*. 2020;3(54). DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00063. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tezisy-o-skazke> (accessed 10.10.2023). (In Russ.)
- Pomerantseva, E. V. Russian folk tales. Moscow, 1963. 132 p. (In Russ.)
- Pomerantseva, E. V. The fates of Russian folk tale. Moscow, 1965. 220 p. (In Russ.)
- Propp, V. Ya. Russian folk tales: Collected works. Moscow, 2000. 415 p. (In Russ.)
- Propp, V. Ya. The historical roots of fairy tales. Leningrad, 1986. 370 p. (In Russ.)
- Razumova, I. A. Stylistic ritualization of Russian magic fairy tales. Petrozavodsk, 1991. 153 p. (In Russ.)
- Roshianu, N. Traditional formulas of fairy tales. Moscow, 1974. 218 p. (In Russ.)
- Hamlet, T. Yu. Karelian fairy tale “Nine Gold Sons”. *Finno-Ugric World*. 2015;2(23). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/karelskaya-narodnaya-skazka-devyat-zolotyh-synovey> (accessed 11.10.2023). (In Russ.)
- Uther, H.-J. The types of international folktales: A classification and bibliography: Based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson. Animal tales, tales of magic, religious tales, and realistic tales, with an introduction. Part I. Helsinki, 2004. 661 p.

Received: 10 October 2023; accepted: 12 February 2024